

русский
сулливёр

Татьяна Перцева

ЙОЙК

северная —
городская —
поэзия —

Татьяна Перцева Йойк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54968598

*Йойк: Русский Гулливер; Центр современной литературы; Москва; 2020
ISBN 978-5-91627-239-0*

Аннотация

Первая книга Татьяны Перцевой, современного поэта, живущего в Финляндии – сборник лирических стихотворений, написанных в разных жанрах, но объединённых одним узнаваемым и неповторимым голосом, в котором слышно не выдуманное, а реально пережитое. В своей поэзии Татьяна опирается на национальную культуру народов Севера, и пытается написать нечто похожее на «йойк» – древнее пение саамов, близкое к полугорловому пению. Романтический флёр этой книге придаёт и то, что поэт, сочиняя эти стихи, вспоминал свою бабушку Кертту Софию Канерва-Ахо, которая наполнила сердце девочки песнями и сказками, как Арина Родионова – детство Пушкина. По словам автора йойк – не является песней в обычном понимании этого слова, это «душа природы, переданная человеческим голосом». «Йойк можно подарить на праздник ребёнку или матери, спеть в виде приветствия коту, попросить прощения у цветка или признаться в любви к дереву». Тем не менее, это современные модернистские стихи, по своей природе близкие, например, к практике Гарсиа Лорки,

сквозь тексты которого просвечивает таинственное цыганское дуэнде. От современной культуры разочарования и усталости стихи Татьяны Перцевой отличает неустанный поиск гармонии и уверенность, что она существует. Ощущение себя частью целого, звеном «неслучайной случайности». Это поэзия сильного человека, который в любой тьме способен видеть свет и утешение.

Содержание

Автор – Читателю	7
Часть первая	12
рождественская сказка	12
«Лёд вокруг, закончился день, закончился год...»	14
«Совсем недавно выпал первый снег...»	15
«Солнце зимой живёт в тёмном-тёмном стекле...»	17
«становлюсь изысканной, иссиня тонкой...»	18
«морозный воздух – дыхание Бога...»	19
«Утром вставать, пить чай, идти, куда и зачем...»	20
«Как мы теряем звук, так мы теряем жемчуг...»	21
«Знаешь, заставь себя эту весну пережить...»	22
«ты счастливая, потому что живёшь в молоке...»	24
«по реке плывут словесные мертвяки...»	25
«перехватят за жабры, в корзину свалят улов...»	26
«выступит кожный пот выбежит белый конь...»	27
«А всего-то нужно по стеночке, до окна...»	28

Татьяна Перцева

Йойк

На обложке использован рисунок Марии Лиисы Муттонен
Фотограф Marina Vassileva

© Т. Перцева, текст, 2020

© M. Vassileva, фото, 2017

© Л. Муттонен, рисунок, 2015

© Русский Гулливер, издание, 2020

© Центр современной литературы, 2020

Автор – Читателю

Эта книга представляет собой один из образцов современной, городской, северной поэзии.

Это отпечаток зафиксированных моментов жизни.

Это робкая попытка поиска гармонии между внутренним и внешним, желание понять из чего же выстроен «дом бытия» по Хайдеггеру, где поэты и мыслители выступают хранителями «приоткрытости» в самом слове.

Гармония – естественное состояние для природы и человека.

Мы приходим в этот мир и уходим из этого мира, чтобы в цепочке неслучайных случайностей уловить внутреннюю гармонию и отразить её во внешнем своими осознанными и неосознанными действиями.

Где бы ни находился человек в определённый момент времени, он сонастраивается с тем, что происходит здесь и сейчас.

Поэт же, вне всякого сомнения, не просто сонастраивается с пространством, но пытается извлечь из окружающего его мира звуки каждого впущенного в себя образа, чтобы преобразив их при помощи своей внутренней энергии, выпустить на волю ту зыбкость и многомерную образность языка, которая и является подлинной его жизнью, которая и дарит языку голос.

Поэт слушает, поэт удивляется, поэт и сам пытается зазвучать в унисон с миром, рождая стихотворение. Вот он, великий момент ощущения чуда!

После рождения стихотворения поэт хочет явить его миру! Но когда стихотворение отделяется от автора, оно обретает ту форму, которой наделяет его читатель.

Поэт же, через какое-то время, погружается в начальную стадию звукового волнения. Он готовится к принятию и открытию новой сущности образов внутри устоявшейся формы.

Начальная стадия звукового волнения автора некоторыми своими характеристиками напоминает йойк.

Йойк – это одна из древнейших форм североевропейского традиционного песнопения саамов Норвегии, Швеции, Финляндии, России и жителей Беломорья, похожее на полу-горловое пение. Поют йойки и в Карелии, называя их ёйгами. Йойк можно подарить на праздник ребёнку или матери, спеть в виде приветствия коту, попросить прощения у цветка или признаться в любви дереву. Это душа природы, переданная человеческим голосом. Одна из основных особенностей этого песнопения заключается в том, что йойк не является песней о ком-либо или чём-либо, это вообще не песня, в том смысле как мы привыкли воспринимать понятие «песня». Йойк цикличен, уникален, он является кем-то или чем-то в момент своего исполнения, и исполнителя йойка вполне можно считать его неотъемлемой частью.

Для йойка характерны особый ритм и созвучие слов, часто лишённых своего прямого смысла, но за счёт этого и приобретает то «плавающее» состояние образов, приводящее к совершенству нового языкового открытия.

В аннотации к данной книге упоминается развитие в поэзии такого жанра, как интертекстуальный эстетический даунгрейд и северо-западный постфольклор в рамках экологического дискурса. Здесь нужно упомянуть надстройку культурных пластов, а именно, смену одной языковой реальности на другую, как систему восприятия и организации мира.

У человека, в рамках модели социума, любая форма коммуникации направлена на достижение понимания. Но не в поэзии, нет. В поэзии мы всегда имеем дело со сгустками суггестивной энергии, связанной с порывами души. Эти порывы, как живые ветры, вырывают поэта из обыденной матрицы речи и возвращают обратно, обновлённого подлинностью созидания языка. Поэт находится в переходном состоянии, он похож на переводчика с языка души на мерцающий язык «танцующей звезды», на путешественника, которому не сидится на одном месте до такой степени, что и «дом бытия» удобно складывается, наподобие парашюта, и становится мобильным для посещения иных пейзажей различных конфигураций, что позволяет считывать исходящие сигналы для их последующего декодирования. Полисемантическая поэтического текста начинает впускать в себя и отражать многоуровневые слои разных культур, с которыми по

тем или иным причинам сталкивается и взаимодействует по-эт.

Северо-западный постфольклор характеризует собой мифологический уровень текста, закладываемый на основе сказок и легенд, передающихся из поколения в поколение. Здесь же, проявляется экологический дискурс, как душа природы, чувство гармонии и единства с окружающим поэта миром. И когда душа природы плачет, смеётся или кричит от боли, то в унисон плачет, смеётся или кричит от боли поэт, неразрывно соединённый с ней и ещё более «проявленный» в жизни.

Долго собирая эту книгу, я вспоминала свою бабушку.

Кертту София Канерва-Ахо родилась в местечке Салла (Куолаярви) финской Лапландии. Это она напевала маленькой девочке йойк(г)и долгими зимними вечерами, сидя у равномерно жужжащего колеса прялки, она рассказывала северные сказы про мальчика, который искал Время, про прекрасную Инку, в которую влюбился Дух Борея, красавицу Наст и сияющую в северном небе огненную реку, соединяющую миры бытия и небытия, также называемую Солнечным Ветром.

Книга состоит из четырёх частей, отсылая читателя к образу шапки четырёх ветров (Neljäntuulenlakki) – мужского саамского головного убора, входящего в национальный костюм саамов гакти. Это сделано для того, чтобы выразить огромное уважение к народу, который чтит свои традиции,

сохраняет культуру и отстаивает свои права языкового меньшинства на территории проживания.

В заключение хочется сказать, что книга «Йойк» является для меня очень значимым, знаковым моментом, так как по времени она совпала с некоторыми жизненными событиями, открывшими мне новые уровни оценки объективной реальности и происходящих в ней процессов.

Я от всей души благодарю своего издателя Вадима Месяца, талантливого поэта и писателя, человека с огромным сердцем и доброго друга, без которого эта история, скорее всего бы, не началась и не закончилась.

Благодарю свою семью и самых близких людей, мой «ближний круг», моих «светлячков», озаряющих мои дни своим присутствием, спасающих меня своей любовью в самые тёмные времена безысходности и отчаяния, которые теперь миновали. Они верили в меня больше, чем я сама. Такое бывает. За это им мои самые солнечные и лунные благодарности. Ещё я от всей души благодарю за постоянную незаметную поддержку своё поэтическое эхо, отражаясь в изысканном тонком зеркале которого я становлюсь лучше и выразительнее.

Книга выстроена.

Желаю приятного чтения!

Авторка

Часть первая Joulusade¹

рождественская сказка

*Таня сказала, что в Хельсинки праздники
славные...*

Марат Багаутдинов

Светятся дымкой фонарики,

¹ Joulusade – Рождественские осадки (фин.)В 2019–2020 годах, зимой, в Хельсинки, практически, не было снега. Так называемое «Чёрное Рождество» и «Чёрный Новый Год» сопровождалось дождём (земля плакала этой зимой), что непосредственно указывает на глобальное потепление и ускоренное изменение климата. Также, эта часть начинается со стихотворения «Рождественская сказка», которое было написано после прочтения стихотворения Марата Багаутдинова. Марат был моим добрым другом, мы поступили в Литинститут им. Горького в 2004/2005 г. и посещали семинар Галины Ивановны Седых. Сейчас, когда я пишу эти строки, то понимаю, что уже никогда не смогу показать ему то, что у меня получилось. Марат Багаутдинов трагически погиб 31.12.2019 года. В эпиграф вынесена первая строчка его стихотворения, написанного для подборки стихотворений, которую мы собрали в 2006 году для журнала «LiteraruS-Литературное слово», издающегося в Финляндии. 01.01.2020 Анна Русс сказала: «Это нечестно». Я с ней согласна. Земля плакала этой зимой, Марат.Также, в первой части книги есть стихи-посвящения близким и дорогим мне людям, поэтам, исполнителям йойка.

шаткие хрупкие в Хельсинки,
падают светлые шарики
на ледяные ступеньки.

Машут еловые деточки
ветками зеленоглазыми,
ночь разделили на клеточки
окна домишек, алмазами

снежные слёзы укутали
ямки, площадки и горочки,
в городе тропки запутали
и разбросали осколочки

маленькие проказники,
взявшие круглое зеркальце,
в Хельсинки ёлки и праздники,
оледенелое сердце

ровно стучит минутками
точное время сумерек,
не прекращается сутками
боль запоздалая, имярек,

выйди из круга светлого
и освяти помалу,
пусть будет лету летово,
ну, а зимой – к началу.

«Лёд вокруг, закончился день, закончился год...»

Лёд вокруг, закончился день, закончился год,
кто твой друг, скажи мне, теперь попробуй наоборот,
детство, помнишь, как в королевстве кривых зеркал,
Анидаг превращалась в гадину, рядом Абаж скакал,
Йагупоп, Нушрок, твоё отражение, Бар, Аксал,
веришь-нет, оно существует – время кривых зеркал,
век живи – век учись, вдруг на самом деле *мир зрим*,
человек не идеален, он боится казаться смешным,
улыбнись, уходи отсюда, вокруг ледяной абсурд,
ты моё правдивое зеркало, береги себя, Гурд.

«Совсем недавно выпал первый снег...»

Совсем недавно выпал первый снег,
точнее утром, в шесть часов, в субботу,
по снегу первому шёл первый человек,
которому в четыре на работу.

Он не бежал, куда теперь бежать,
проснулся в шесть, а надо было в три,
жена кричала, сколько можно спать,
ты опоздал, на время посмотри!

Болела голова, болел живот,
зачем вчера поехал с другом к Ленке,
в субботу люди спят, а он идёт
работать, цех полгода на трёхсменке.

Мечта сменить авто который год,
сдать старую в салон и взять кредит,
конструктор – сыну, дочери – айпод,
поехать летом всей семьёй на Крит.

В субботу утром выпал первый снег,
никто от счастья по нему не бегал,
по снегу шёл уставший человек,

не замечая выпавшего снега.

«Солнце зимой живёт в тёмном-тёмном стекле...»

Солнце зимой живёт в тёмном-тёмном стекле,
тёмный-тёмный дом всё также чернеет в лесу,
полярная ночь питается витамином D
и планктоновым состоянием жителей города X,
после бессонной ночи, к утру.

На севере ночь разрастается от пупка,
расположенного за кругом твоих представлений о ночи,
на севере, только на севере смерть так легка,
что никто из жителей, ведущих свой древний род
по пустыне из вечных льдин, умирать не хочет.

Жизнь продолжается, потому что рассчитан угол наклона
от плоскости,
вращается ось,
но земля оглядывается, когда уходят самые ранимые
нежные:
деревья, травы, маленькие подснежники,
до следующей весны, пока в сияющем «Стокманне» не
растает последний лосось.

«СТАНОВЛЮСЬ ИЗЫСКАННОЙ, ИССИНЯ ТОНКОЙ...»

В.Ц.

становлюсь изысканной, иссиня тонкой,
ноготком непроросшего в марте ребёнка,
подснежниковыми глазами смотрю в небо,
голубей в Риме забыла покормить хлебом,
через месяц в Хельсинки стану совсем синей,
мои вены расположены на всём теле красиво,
это такой узор, такой пазл, такой поворот боком,
это как долгий мысленный разговор с Господом Богом.
спроси по полной с меня – отвечу,
если дыхания не хватит, что-нибудь промычу,
ты молчишь, улыбаешься, но не в открытую, незаметно,
просто по-доброму, прямо в голове, улыбаешься так,
чуть-чуть.

«морозный воздух – дыхание Бога...»

морозный воздух – дыхание Бога,
белеет хруст шагов-косточек,
упавшая с неба прямая дорога,
оказывается, мой позвоночник.
зима, сегодня целуй меня смело,
ты, безусловно чистая, ледяная,
крупная дрожь, танцующее белое тело,
зимой любая дорога прямая.
хотите и вам покажу дорогу,
самую лучшую, похожую на Млечный Путь,
хотите расскажу, что можно пожелать Богу,
перед тем, как лечь и уснуть.
хотите научу благодарить за кусок хлеба,
за стакан воды, за прожитый час,
так просто достать руками до неба,
попробуйте, это может любой из нас.
зимой отчётливо слышно, как звенит позвоночник,
так зарождается жизнь в океане смерти,
в самом начале мира волна, среди многих прочих,
поднимается общей силой к белой небесной тверди.

«Утром вставать, пить чай, идти, куда и зачем...»

mari boine

Утром вставать, пить чай, идти, куда и зачем,
чувствуя кожей кокон накинутаго тепла,
перебирая льдинки выдохнуть насовсем
и прошептать осторожно – белый, любить, земля.

Днём переделать важных событий цепь,
соединить все звенья до трёхчасового угла,
но голову запрокинув, увидеть небесную степь
с перекаати-облаками – и, белый, любить, земля.

«Как мы теряем звук, так мы теряем жемчуг...»

Быть голосом, которым не поют...
Александр Кабанов

Как мы теряем звук, так мы теряем жемчуг,
как в глубину метро уходит тихий лес,
инейность роз и снега белый венчик
всё также падают на верблюжат с небес.

Как мы теряем слух, так мы теряем голос,
не обернись, хрустит в глазах крахмал,
десятизначием плоил сегодня воздух,
на клейких яблоках штрих-код благоухал.

Как мы теряем, вряд ли потеряем,
так мы пластичны, пропиленны мы,
но где-то снег хрустальный обитаем,
под трепетание живых стрекоз зимы.

«Знаешь, заставь себя эту весну пережить...»

Знаешь, заставь себя эту весну пережить —
лето придёт, за ним последует осень,
а после —
зима.

Представь, это то же самое, что переплыть
реку огромную, имя которой – Время,
ты видишь сама —
то, что вчера исчезало —
завтра вернётся
стократ,
и больше не будет слёз —
память так коротка.

Но если мир, увидев тебя, улыбнётся
приветливо, то
кто его знает,
что это значит,
и что будет завтра —
он тоже поймёт,
что по небу плывут облака —
ведь так было и будет пока —
пока кто-то из вас.

Навсегда.

«ТЫ СЧАСТЛИВАЯ, ПОТОМУ ЧТО ЖИВЁШЬ В МОЛОКЕ...»

ты счастливая, потому что живёшь в молоке,
никуда не спешишь, в голове рисуешь кино,
любишь время наивно, как любят до первых дождей,
или первых предательств, хотя, первое только одно.

ты счастливая, просто немного наоборот,
там, где тонко – не рвётся, как будто речная вода,
расползается по небу алым, привязывая самолёт,
к двум совсем непохожим, но очень родным городам.

поливают дожди, расплываются контуры дней,
раскидали границы, как кубики по ковру,
ты живёшь в молоке, потому что море людей,
безусловно считает, что счастье похоже на круг.

тут поставлена точка, но что если завтра война,
молоко вкуса крови продадут в родных городах,
это было вчера, это было вчера, это значит что на
круги человеческого счастья намотано проволокой завтра.

«по реке плывут словесные мертвяки...»

*Она – где я пишу стихи.
Олег Дозмор*

по реке плывут словесные мертвяки,
это значит, глаза горизонта ещё далеки,
это значит, глаза горизонта ещё высоки,
это значит, легки как перья погасшие светляки.

те кто жил у воды, бредут сквозь леса из слов,
ловят зёрна на буквицы, молча делят улов,
узнают друг друга по знакам, долго стоят у реки,
по которой плывут к горизонту утопленники.

тишина вокруг разливает тень соловья,
благодать печальная прячется в склон у ручья,
паутина звенит на солнце, дрожит листовая вязь,
полыхают леса земляничкой, Прости, не дай мне упасть.

«перехватят за жабры, в корзину свалят улов...»

перехватят за жабры, в корзину свалят улов,
первородной тканью залатан садок в углах,
не глядите внутрь, там самки кроют самцов,
на готовых печать с каймою – чернильный страх.

изготовят из креп-шифона от сих до сих,
отутюжат из креп-сатина для них глаза,
потеряет синюшный пульс этот рыбий стих,
провожая блестящие спины на первый базар.

на табло – три сорок, пора быть живым, пора,
где ещё так познаешь суть – значит мы не умрём,
летом в нашем аиде стоит такая жара,
потрошить не будут, просто ушьют живьём.

прорастут рыбы кости в здешних настенных садах,
облиствят полотно, кислородом снабдят города,
первородная ткань, на готовых – чернильный страх,
сквозь изделие тела на землю сочтется вода.

«ВЫСТУПИТ КОЖНЫЙ ПОТ ВЫБЕЖИТ БЕЛЫЙ КОНЬ...»

ulvap avksom

выступит кожный пот выбежит белый конь
здесь моё счастье вот только живое тронь
можешь меня винить только дыши-дыши
воду со смерти не пить слышишь пиши-пиши
буду с тобой всегда близко ли далеко
солнечный выпал дар жизни моей молоко
где-то я тоже люблю встречи не до конца
я без тебя не сплю выросшие без отца
без облаков без луны без посторонних глаз
дети одной страны не возвращайся сейчас
не возвращайся ко мне яблочны всходы детей
вместе взойдут по весне лучший ползёт муравей.
девочка значит *лю* мальчик конечно *ры*
счастье земли на краю крупные там комары
станем для них мостом счастье всегда *окруж*
вместе мы все доживём я ничего не боюсь.

«А всего-то нужно по стеночке, до окна...»

А всего-то нужно по стеночке, до окна,
это очень просто, хватает пяти шагов
до стены, я чувствую, там за окном весна,
только врач запретил вставать, не то разойдётся шов.

А всего лишь шрамом отделалась, он сказал,
полежи пока, как на кошке всё заживёт,
был бы я у тебя в родне, таких бы тебе прописал,
удивляюсь, но ангелам и дуракам везёт.

Он хороший, лечит, командует всем открыть рот,
строгий, чуточку пахнет папиным табаком,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.